

§5 ИДЕОЛОГИЯ И ПОЛИТИКА

Докучаев Д. С., Докучаева Н. А.

КОНСТРУИРОВАНИЕ ЭТНО-РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НА ПОСТЬЮГОСЛАВСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ (случай Черногории)

Аннотация. Статья посвящена анализу способов конструирования этно-региональной идентичности на постъюгославском пространстве. Объект исследования – социально-политическая реальность постъюгославского пространства. Предмет исследования – механизмы, способы и практики легитимации политической и социальной идентичности в современной Черногории. В статье отмечается, что после распада Югославии политика конструирования новой социальности происходила в новых независимых государствах на Балканах похожим образом. Политическая и интеллектуальная элита стремилась оборвать связь с прошлым, переписать историю и изменить массовое сознание. Подобные процессы происходили и в Черногории. Основными направлениями конструирования этно-региональной идентичности стали: подчеркивание этнических различий между сербами и черногорцами и конструирование «образа врага». В настоящей статье рассматриваются этнические, лингвистические, религиозные и исторические аспекты социально-конструктивистской деятельности политической элиты Черногории. Авторы исследуют способы конструирования этно-региональной идентичности с позиций системного подхода (А. Е. Уемов, И. В. Дмитриевская) и критического дискурс-анализа (Н. Ферклоу). Рассматривая этно-региональную идентичность в качестве системы, авторы выделили в ней концепт и структуру. Концептом является идея территориального сходства и различия, реализующая в рамках оппозиции «Свой – Чужой». Это отношение в конкретных ситуациях конструировалось через противопоставление «черногорцев» «сербам». Первые выступали в качестве «Своих», а вторые в качестве «Чужих». Авторы утверждают, что Оппозиция «Свои – Чужие» реализуется на уровне этнических, лингвистических (языковых), исторических, религиозных и социальных отношений. На этническом уровне прослеживается явное противопоставление черногорцев сербам. На лингвистическом конструируются новые нормы литературного черногорского языка (отличного от

сербского). Исторический дискурс задает паттерны звучаний теперь уже не совсем общему с сербами коллективному прошлому, а религиозная составляющая противопоставляет институты церкви обоих этносов. Социальная дифференциация на черногорцев и сербов – только одна черта сложного этнического состава страны. Отмечается, что роль меньшинств в конструировании этно-региональной идентичности современной Черногории не столь очевидна, как в сербо-черногорской дихотомии, однако место в формировании современного политического поля Черногории достаточно весомо.

Ключевые слова: этно-региональная идентичность, Черногория, политическая элита, политическая идентичность, регион, исторический дискурс, этнос, регионализм, постъюгославское пространство, Балканы.

Review. This article is dedicated to the analysis of the means of constructing ethno-regional identity on the post-Yugoslavian space. The object of the research is the socio-political reality of the post-Yugoslavian space. The subject is the mechanisms, methods, and practices of legitimization of the political and social identity in the modern Montenegro. The authors note that after the collapse of Yugoslavia the policy of construction of a new sociality was taking place in the newly independent Balkan states in a similar way. Political and intellectual elites strived to break the ties with the past, rewrite history, and change the public consciousness. Similar processes also took place in Montenegro. The main vectors of structuring the ethno-regional identities became the underlining of the ethnic differences between the Serbs and Montenegrins, and creation of the “image of the enemy”. The article examines the ethnic, linguistic, religious and historical aspects of the socio-constructive activity of the political elites of the Montenegro. The social differentiation into Montenegrins and Serbs is only one of the aspects of the complicated ethnic composition of the country. The authors note that the role of the minorities in the construction of the ethno-regional identity of the modern Montenegro is not as evident as it is in the Serb-Montenegrin dichotomy, but the place in the formation of the modern political field of Montenegro is fairly weighty.

Keywords: Ethno-regional identity, Montenegro, Political elite, Political identity, Region, Historical discourse, Ethnos, Regionalism, Post-Yugoslavian space, Balkans.

Статья подготовлена в рамках государственного задания Министерства образования и науки РФ на проведение научно-исследовательской работы №33.526.2014/к «Российская интеллигенция и европейские интеллектуалы в изменяющейся социально-политической действительности XX – начала XXI вв.: виртуальность и реальность»

Одной из последних на сегодняшний день стадий оформления постъюгославского политического пространства стал выход Черногории из государственного объединения с Сербией. Суверенизация Республики Черногории, до 1992 г. входившей вначале в СФРЮ, затем в Союзную республику Югославию, а с 2002 г. в государственный союз Сербии и Черногории, положила конец последнему реликту югославской федерации. Референдум 21 мая 2006 г., 55,5 % участников которого выступили за независимость Черногории, подвел черту под пребыванием страны в рамках югославской государственности и поместил на карту Европы XXI в. малое государство с населением немногим более шестисот тысяч человек.

В XX веке путь Черногории к независимости был последовательным и трудным. Успеху всей кампании во многом способствовала грамотная политика черногорской элиты по конструированию этно-региональной идентичности. Безусловно, речь идет именно об этно-региональной идентичности, поскольку в период с 1918 года по 2006 черногорский этнос не имел государственного суверенитета, а соответственно, не мог считаться по известным в науке определениям нацией. Таким образом, до 2006 года о конструировании национальной идентичности в Черногории говорить можно с трудом. Тем не менее, обоснование черногорской независимости опиралось на представление о вполне отчетливых государственных традициях, идущих от раннего

Средневековья, на очевидную специфику положения страны в системе османского владычества на Балканах, и на достижения короткого, но насыщенного событиями исторического периода суверенного развития Черногорского государства в XIX – начале XX вв. Однако становление в это время общегославской национальной идеологии, в интерпретациях которой черногорская элита пыталась соперничать с сербской, создало внутри нее и политически активной части населения альтернативу, в рамках которой сербское главенство нередко выглядело привлекательнее этно-региональной обособленности Черногории. К началу Второй мировой войны Черногория фактически утратила свою политическую индивидуальность, что после окончания войны облегчило принятие ею роли самой маленькой республики титовской Югославии, целиком зависимой от общегославского бюджета и политики коммунистического руководства. Осознавая свою зависимость от старшего партнера, черногорская элита, тем не менее, не упускала из виду перспективы государственной независимости, постепенно выстраивая самостоятельную политическую линию и конструируя черногорскую этно-региональную идентичность. Об особенностях последней и пойдет речь далее.

Теоретико-методологические аспекты исследования этно-региональной идентичности

Однако прежде необходимо сделать несколько важных, на наш взгляд, теоретико-методологических замечаний. Заметим, что поскольку в заглавие вынесена тема конструирования идентичности, то и подход мы будем использовать соответствующий – социально-конструктивистский. Он впоследствии будет дополнен положениями системного подхода в интерпретации А. И. Умова и И. В. Дмитриевской. Основное положение концепции социального конструктивизма – социальный порядок существует лишь как продукт человеческой деятельности – было впервые обосновано П. Бергером и Т. Лукманом в книге «Социальное конструирование реальности», вышедшей в 1966 году¹. М. Фуко дополнил конструктивистскую парадигму, введя

1 Бергер П. Лукман Т. Социальное конструирование реальности. – М. 1995.

в научный оборот понятие «дискурса», «дискурсивных практик», нашедших широкое применение в социально-философских исследованиях в 1970-80-х годах. Суть конструктивизма в этно-региональном контексте заключается в том, что этнические общности определяются как «воображаемые» и возникающие в результате целенаправленных усилий индивидов и создаваемых ими институтов, соответственно, этничность понимается как социальный конструкт.

Как мы уже заметили, методология социального конструктивизма дополняется системным подходом в интерпретации А. И. Умова², адаптированным к анализу неформализованных систем И. В. Дмитриевской³. В работах этих авторов понятие «система» определяется как вещь (или множество вещей), обладающая отношением с заранее фиксированными свойствами. Это определение дополняется двойственным: система есть вещь (или множество вещей), обладающая свойствами с определенным отношением. Любая система имеет три уровня организации – концептуальный (уровень системообразующего свойства), структурный (уровень системообразующего отношения), субстратный (уровень элементов системы). Сущность системного подхода к исследованию, в отличие от несистемного, состоит в том, что при системном подходе направление исследования – от концепта к структуре, а затем к субстрату, а при несистемном подходе направление исследования обратное. Специфика системы определяется концептом и структурой, а субстрат играет подчиненную роль. Концепт и структура системы, являясь системообразующими компонентами, доминируют над субстратом.

Таким образом, рассматривать особенности конструирования этно-региональной идентичности в Черногории мы будем сквозь призму социально-конструктивистского и системного подходов.

Теперь необходимо уточнить некоторые используемые нами понятия, а именно – «*этнос*»,

2 Умов А. И. Системный подход и общая теория систем. – М. 1978.

3 Дмитриевская И. В. Мировоззрение как система // Сознание и теория мировоззрения: История и современность. – Иваново. 1992.

«регион», «региональная идентичность», «этно-региональная идентичность».

Этнос. Одно из первых в отечественной науке определений этому понятию дал в 1923 году С. М. Широкогоров. В частности он писал, что этнос – есть группа людей, говорящих на одном языке, признающих свое единое происхождение, обладающих комплексом обычаев, укладом жизни, хранимых и освященных традицией и отличаемых ею от таковых других групп⁴. Несмотря на многочисленные споры вокруг определения этого понятия, мы понимаем под этносом исторически сложившуюся на определенной территории устойчивую совокупность людей, обладающую общими чертами и стабильными особенностями культуры и психического склада, а также сознанием своего единства и отличия от других подобных образований.

Регион. В науке до сих пор идут споры о носителе того какую именно территорию считать регионом. Где начинается и где заканчивается региональное пространство? Можно ли считать регионом город с пригородами или село с округой? На эти вопросы ответов пока очень мало. В теоретическом и исследовательском плане под регионом часто понимается часть пространства, являющаяся гомогенной в заданных критериях и отличающаяся по этим критериям от других частей пространства в рамках определенного целого. Когда мы связываем между собой территорию и идентичность, то должны расширить это понимание. Под регионом как пространством коллективной идентичности человека понимается часть социально освоенной территории, выделяемая на основании социально обусловленных отличий от других частей пространства и выступающая объектом отождествления (сопоставления) смысложизненного мира человека с ней и с социальной общностью, локализованной в этом пространстве⁵. В рамках

социально-конструктивистского подхода мы рассматриваем регион в качестве «продукта» человеческой деятельности – символического универсума, формирующегося в процессе субъективной рефлексии. Главное основание существования региональных социумов заключается в их восприятии друг друга как сообществ. В рамках социальных практик и социального взаимодействия вырабатываются концептуальные механизмы, которые поддерживают символические универсумы. Таким образом, существование региональных сообществ является результатом, с одной стороны, объективации, конструирования и поддержания или подчеркивания различий в рамках социальных практик, а с другой стороны – целенаправленного распространения идеи единства с целью гомогенизации сообщества.

Региональная идентичность – это, прежде всего, представления человека о себе в сопоставлении с общностью, локализованной в части социально освоенного пространства Мира. Региональная идентичность есть подвид коллективной идентичности. Последняя есть формирующееся в процессе социального взаимодействия состояние групповой солидарности, проявляющееся, с одной стороны, в осознании группой своей целостности и тождественности, а с другой стороны, в осознании индивидом своей принадлежности к той или иной группе (социальной группе, общности)⁶. Региональная идентичность человека имеет двуединую природу. Она проявляется и как «внешняя», и как «внутренняя». Онтологический статус региона как аналога «особого мира» определяет сущностную характеристику региональной идентичности, которая в широком смысле может быть сведена к осознанию человеком своей принадлежности к части Мира – региону. Эта сущностная характеристика проявляется в соотношении смысложизненного центра человека с социальным целым – региональным сообществом («внешняя» идентичность) и с genius

4 Широкогоров С. М. Этнос: Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений. – Шанхай. URL: <http://www.kunstkamera.ru:8081/siberia/Texts/ShirokogorovEthnos/Chapter01.pdf> (дата обращения 15.01.2013)

5 Докучаев Д. С. Региональная идентичность: понятие, структура, функции. // Философия и культура. 2012. №12. С. 104–107.

6 Рябов О. В. Национальная идентичность: гендерный аспект (на материале русской историософии) // автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук. – Иваново. 2000. С. 11.

loci региона: интеллектуальными, духовными, эмоциональными явлениями и их материальной средой («внутренняя» идентичность). Региональную идентичность следует рассматривать в качестве системы, элементы которой взаимосвязаны. Концептом такой системы является дихотомическая идея территориального сходства и территориального различия, которая реализуется в рамках оппозиции «Свои – Чужие». Реализация концепта «Свои – Чужие» не только способствует соотнесению смыслового центра человека с региональным сообществом, но и формирует у человека представления о тождественности и целостности самого регионального сообщества. В структуре регионального самосознания следует выделить содержательные и формальные компоненты. К анализу структуры региональной идентичности можно применить подход О. В. Рябова, в рамках которого в содержательной интерпретации структуры идентичности выделяются три компонента: пространственно-временное отношение, отношение со «Своими» (образ «Мы»), отношения с «Чужими» (образ «Они»). В структуре региональной идентичности отчетливо фиксируются, кроме пространственно-временных, еще и этнические, религиозные, политические и экономические отношения.

Этно-региональная идентичность – это подвид региональной идентичности, как раз олицетворяющий смещение структуры идентичности в сторону этнических компонентов. Говоря об определении этого понятия, следует иметь в виду тот факт, что этно-региональная идентичность представляет собой комплекс способов самоопределения (самовосприятия и репрезентации) человека на основе сочетания территориального и группового (этнокультурного) принципов⁷. Характеризуя в дальнейшем эту категорию применительно к черногорскому обществу, мы будем уделять особое внимание тому факту, что этно-региональная идентичность является частью проектирования политической

7 Ямалнеев И. М. Этнорегиональная идентичность как политический проект (на примере Республики Татарстан)//автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата политических наук. – Казань. 2005. С. 12.

идентичности со стороны элит. Участие политической элиты в конструировании идентичности мы будем рассматривать в двух качествах. С одной стороны, в качестве инструмента для получения политических дивидендов и укрепления позиций в обществе. А с другой, в качестве основы для создания политических проектов, определяющих в дальнейшем течение политических процессов в Черногории.

Структура и уровни черногорской этно-региональной идентичности

Необходимо заметить, что Черногорию, как и все пространство Балкан, характеризует сплав идентичностей, состав и соотношение элементов которого менялись в ходе исторического развития, а также под влиянием политических процессов на Балканах. Можно сказать, что идентичность черногорца в целом представляет собой мозаику из индивидуальных и групповых самоидентификаций. При всей сложности и спорности самого термина «коллективная идентичность»⁸, о котором шла речь выше, он вполне применим для описания процессов, характеризовавших югославскую и постъюгославскую действительность, в том числе и в Черногории. По мнению ряда исследователей⁹, вооруженные конфликты на пространстве Югославии в первой половине 1990-х гг. были основаны именно на проблемах идентичности, а различные противостоявшие общегославской аспекты идентичности использовались по крайней мере в качестве лозунгов для разжигания конфликтов.

Концептом черногорской этно-региональной идентичности выступает дихотомическая идея территориального сходства и территориального различия, реализуемая в рамках оппо-

8 Многие ученые отрицают наличие коллективной идентичности, наделяя способностью к самоидентификации лишь индивида. В этом смысле под коллективной идентичностью мы будем понимать разновидность социальной идентичности, осознание членами сообщества, к которому индивиды себя причисляют, своей целостности и тождественности. См. напр. Малахов В. С. «Неудобства с идентичностью». URL: <http://www.intellectuals.ru/malakhov/izbran/8ident.htm> (дата обращения: 02.04.2014).

9 См., напр., Wilmer F. Identity, culture, and historicity. The social construction of ethnicity in the Balkans. URL: <http://www.jstor.org/stable/20672505> (дата обращения: 13.04.2014).

зиции «Свой» – «Чужой» (Ниже мы приведем примеры реализации этого концепта через оппозицию «черногорцев» и «сербов», первые будут выступать в качестве «Своих», а вторые в качестве «Чужих»).

Структура идентичности – это системообразующие отношения. Их тоже необходимо выделить. Так, мы полагаем, что в структуре черногорской этно-региональной идентичности отчетливо проявляют себя этнические, лингвистические (языковые), исторические, религиозные и социальные отношения. Все эти отношения конструируются в рамках оппозиции «Свой» – «Чужой», таким образом, концепт системы поддерживает структуру.

Кроме содержательных компонентов системы, о которых мы сказали, в структуре этно-региональной идентичности можно выделить компоненты, отвечающие за уровневую сопряженность с другими идентичностями. Дело в том, что черногорцы сравнивают и отождествляют себя и с другими, более крупными социальными группами, нежели просто этнос. Речь идет о балканском, славянском и югославском уровнях этно-региональной идентичности.

Югославская идентичность распалась одновременно с социалистической Югославией, хотя ее реликты существуют и по сей день. Если в 1981 г. более пяти процентов жителей Черногории указали себя как «югославы», то в 1991 г. таковых было 4,3%¹⁰, а по переписи 2011 г.¹¹ лишь около двух тысяч человек (менее 0,5% населения) продолжали считать себя югославами. Видимо, среди прочих факторов, пребывание страны в составе Союзной Республики Югославии, где Черногория играла явно подчиненную роль, придало югославской идентичности более негативные коннотации. По мнению Ф. Уилмера, «югославское государство было неспособно создать в противовес этнонационалистической гражданскую идентичность, способную функционировать как достаточный механизм, посредством которого индивиды мог-

ли удовлетворить потребность быть частью проекта, большего, чем собственная личность, как в идеологическом, так и в общественном плане. Это привело к нестабильности идентичности, на основе которой затем политические элиты насаждали националистическую риторику»¹².

Наряду с распавшейся югославской идентичностью происходила деградация балканской и славянской идентичностей, также имевших в сознании черногорцев позитивные коннотации. Понятие «Балканы» представляется многим исследователями «географическим метонимом, предполагающим наличие негеографического значения»¹³. Отмечается, что даже в условиях давления, оказываемого со стороны доминирующих государственных, национальных, конфессиональных, лингвистических идентичностей, эта «предельная и глубокая балканская общинность» «проявляется внезапно, становясь видимой и принуждая индивида к непреодолимому, непреднамеренному акту идентификации: «Разве он или она не такой же как я?». Балканская идентичность могла бы, на наш взгляд, стать наиболее общим сегментом современной черногорской этно-региональной идентичности, она позволила бы вписать регион в некое целое, то есть балканское пространство. Для черногорцев Балканы – не столько географическое понятие в традиционном смысле, сколько уникальная среда, в которой особое место занимают горы, специфическая организация родственных и земляческих (в Черногории племенных) связей; предания и мифы, обуславливающие семиотическую нагрузку природных объектов, топонимики и пр. Однако балканская идентичность отражала реалии XIX–XX вв., а с «европеизацией» постъюгославского пространства началась и ее редукция, вначале за счет вступивших в Европейский Союз Словении, Болгарии и Румынии, а затем в связи с процедурой переговоров Брюсселя с хорватскими властями. В политическом лексиконе ЕС «балканское» воспринимается как

10 См. Пописи у Црной Гори од 1909. до 2003.// URL: <http://njegos.org/census/princip.jpg> (дата обращения: 13.04.2011).

11 См. Popis stanovništva, domaćinstava i stanova u Crnoj Gori 2011.

12 Wilmer F. Identity, culture, and historicity...

13 Kiossev A. The dark intimacy: maps, identities, acts of identification/Balkan as a metaphor. Between globalization and identity (edited by Bjelić D, Savić O.) Massachusetts Institute of Technology. 2002. P. 165 –190.

антоним монополизированного Брюсселем «европейского». По тем же причинам не могло быть востребовано и славянство черногорцев, также получавшее отрицательные коннотации в контексте «европеизации».

Особенности конструирования этно-региональной идентичности в современной Черногории

Сложный и прерывистый исторический путь Черногории обусловил не менее сложную судьбу черногорской этно-региональной идентичности. Конструирование ее в Черногории происходило с использованием таких идентификационных координат, как история, язык, конфессия, которые, в основном, являлись общими с сербами. Сам черногорский этнос прежде чаще всего считался субэтносом сербского. Поэтому процесс формирования этно-региональной идентичности не мог не инициироваться политическими элитами. Изначально он был направлен на достижение политических целей и составил существенную часть процесса окончательного оформления современного независимого государства Черногории. Важно подчеркнуть, что как процесс формирования государства и титульной нации, так и конструирование черногорской идентичности проходили в конце XX века в Черногории в рамках перспектив интеграции ее в общеевропейское пространство. Поэтому сам процесс конструирования идентичности и его отдельные аспекты необходимо рассматривать в контексте евроинтеграции, а также во взаимодействии черногорской идентичности с общеевропейской (при всем различии трактовок последней).¹⁴⁾

Как и в других странах Центральной и Восточной Европы, стремление части черногорских политиков обособить свое государство и включить его в Европейский Союз сопровождалось и сопровождается формированием так называемой «исторической политики»¹⁵⁾, выступаю-

14 Исследование европейской идентичности как единого целого, возможности и условий ее существования см., напр. Checkel J. T., Katzenstein P. J. *European Identity*. Cambridge University Press. 2009.
15 См. материалы темы номера журнала *Proetcontra*, № 3–4, 2009 г. (в особенности Миллер) а также материалы семинара «Историческая политика» и ее различные национальные версии в постсоци-

щей в качестве средства конструирования новой идентичности. Можно утверждать, что в современной Черногории именно историческая политика является ключевым элементом сплочения общества на новой, постъюгославской основе, формирования современной государственной идеологии.

В течение длительного исторического периода Черногория воспринималась многими исследователями и до некоторого времени самими жителями Черногории как часть Сербии или «разновидность сербской государственности»¹⁶⁾. То есть и Сербия и Черногория могли пониматься в качестве единого суб-балканского региона, очевидно, что неоднородного, но имеющего два центра, а соответственно два концепта (сербскости и черногорскости). В XIX в. коренное население Черногории исходило из того, что они составляют с сербами языковую и этническую общность, но при этом являются «лучшими из сербов». Так, в переписи 1909 г. 95% черногорцев назвали родным языком сербский¹⁷⁾, остальную часть жителей страны составляли преимущественно албанцы. В Королевстве СХС (с 1929 – Югославии), где статистика не содержала упоминание национальности, но включала указание родного языка, переписи 1921 и 1931 гг. также показали увеличение числа албанцев при стабильной доле носителей сербского языка.

Вместе с тем, описывая черногорцев в XIX–начале XX вв., как многие российские, так и иностранные авторы отчетливо отличали их от сербов, особо акцентируя их геройский дух, любовь к свободе, трепетное отношение к родине, уважение к старшим и к своим традициям, но отмечая также их воинственность и мстительность¹⁸⁾.

алистических странах, 5–6 марта 2010 г., Казань. URL: <http://www.carnegie.ru> (дата обращения 01.04.2010).

16 Пономарева Е. Г. *Новые государства на Балканах*. – М. 2010. С. 205.

17 Пописи у Црной Гори од 1909. до 2003.

18 См., напр., Черногория и ее жители. // Журнал для чтения воспитанниками военно-учебных заведений, Том. 81, № 323. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Serbien/XIX/1840-1860/Cernog_i_ee_ziteli/text1.phtml?id=9069 (дата обращения: 12.09.2013).

Однако это отличие имело в большей степени этническую нежели региональную почву. Черногорский народ, по мнению их историков и писателей, испокон веков успешно боролся за свою свободу и независимость, соединяя приверженность православию с верностью России¹⁹. Характерно, что мистификация П. Мериме («Guzla»)²⁰, выданная им за фольклор черногорцев, была переведена на русский язык А. С. Пушкиным («Песни западных славян»), отразив эти общие стереотипы:

««Черногорцы? Что такое? –

Бонапарте спросил. –

Правда ль: это племя злое,

Не боится наших сил?»²¹

Формирование черногорской этно-региональной идентичности в XX в. связано, прежде всего, с Национально-освободительной войной 1941–45 гг., когда восстановление государственности Черногории в форме одной из республик социалистической федерации стало одной из целей освободительного движения во главе с Тито. Ключевым моментом этого часто называется 1 мая 1945 г., когда в югославской коммунистической газете «Борьба» была опубликована статья Милована Джиласа «О черногорском национальном вопросе». Объединение Сербии и Черногории называлось автором, близким к Тито, «мошенничеством», подчеркивалась роль Черногории в обретении свободы «новой Югославии», а также отмечалось, что, несмотря на общую судьбу, «пути развития были у Черногории и Сербии различными»²². При

19 См., напр., Жители области Монтенегро или черногорцы. // Вестник Европы, Часть 20. № 7. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Serbien/XIX/1800-1820/Murgard/text.phtml?id=8959/> (дата обращения: 12.09.2013).

20 Mérimée P. La Guzlaouchoix de poesies illyriques. Recueillies dans de la Dalmatie, la Bosnie, la Croatie et l'Herzegowine. Strasbourg, <http://archive.org/stream/laguzlaouchoixde00mruoft#page/160/mode/2up> (дата обращения: 20.04.2012). P. 160–161.

21 Бонапарт и черногорцы // Пушкин А. С. Песни западных славян. URL: <http://www.magister.msk.ru/library/pushkin/poetry/pu0712.htm> (дата обращения 20.03.2014).

22 См.: Vlahović D. “Dan kada je rođena Crnogorska nacija 1. maj 1945. Mestorođenja Borbaorgan KPJ”. URL: <http://www.srpskapolitika.com/Tekstovi/>

этом Джилас утверждал, что продолжающееся становление черногорской нации началось столетием позже, чем сербской, а его кульминацией явилось участие Черногории в народно-освободительной войне 1941–1945 гг.

После второй мировой войны, согласно первой переписи населения (1948 г.) более 90% населения образованной в 1945 г. республики причислили себя к черногорцам. В дальнейшем численность тех, кто указывал в качестве этнонима «черногорец», постоянно снижалась (68,5% в 1981 и 61,9% в 1991 гг.) и достигла наименьшего показателя в 2003 г., отчетливо коррелируя с ростом числа тех, кто считал себя «сербами». В переписи 2003 г. «черногорцами» назвали себя 43%, «сербами» – 32%, «бошняками» – 8%, «албанцами» – 5% населения страны²³.

Если в начале 90-х гг. XX в. снижение доли населения, считающего себя черногорцами, не противоречило общим задачам образованной после распада СФРЮ «малой Югославии», то при курсе черногорской политической элиты на независимость государства в конце 1990-х – начале 2000-х гг. оно превратилось в серьезную проблему для его легитимации и проведения в жизнь. Кроме того, отделение (и отдаление) от Сербии и сближение с Европейским Союзом требовали согласования двух мало сочетаемых парадигм – этно-национальной и общегражданской. По этим причинам самое пристальное внимание в рамках внутривосточного курса руководства республики с конца 90-х гг. XX в. стало уделяться конструированию этно-региональной идентичности. Этот многогранный процесс затронул различные стороны жизни граждан указанного региона, от образования и вероисповедания до государственного языка и официальной истории Черногории.

В качестве основных конструирующих компонентов системы этно-региональной идентичности в Черногории выступали история (как наука и как учебная дисциплина школьного и университетского образования), семейные и местные традиции, отчетливо хранящие реликты племенного и родового сознания; язык

Komentari/2006/034.html (дата обращения: 23.04.2012).

23 Crna Gora u brojkama. – Podgorica 2010..

и письменность титульного населения, его профессиональная принадлежность и пр.

Исторический «фундамент» этно-региональной идентичности выстраивался на уточнении отношений «Свой» – «Чужой». «Своими» выступали черногорцы, а «Чужими» – сербы. В процессе конструирования идентичности происходило отрицание «сербскости» и подчеркивание «черногорскости» на фоне прославления, прежде всего, военных подвигов черногорцев в деле освобождения южных славян от различных захватчиков. Особый упор делался на длительном сопротивлении Черногории установлению османского владычества, а также на героической борьбе черногорцев против итальянской и германской оккупации в 1941–1945 гг. Эта выборка событий поддерживала и утверждала стереотип, что черногорцы – гордый и воинственный народ, который единственным на Балканах никогда не был подчинен полностью иностранными завоевателями.

Следует отметить, что выстраивание новых координат идентичности и проведение границ «Свой» – «Чужой» между черногорцами и сербами было весьма проблематичным процессом. Поскольку общая историческая судьба черногорцев и сербов в ходе войн и конфликтов XIX–XX вв., православное вероисповедание, общий литературный и государственный язык на определенном историческом этапе оправдывали сосуществование Сербии и Черногории в рамках одного государства как в глазах черногорцев и сербов, так и в представлениях большинства внешних наблюдателей, включая политиков и исследователей. Однако, фактор «родства» с Сербией являлся определенным препятствием для реализации курса на сближение с ЕС, поэтому одним из направлений внутренней политики части черногорской элиты стало «прививание» титульному населению Черногории новой этно-региональной идентичности.

Как мы уже отметили, длительное время сербов и черногорцев объединял общий литературный язык. Поэтому изначально в структуре черногорской этно-региональной идентичности эти внутрисистемные отношения отсутствовали. Лингвистические структуры пришлось конструировать. С распадом югослав-

ской федерации языковой вопрос стал одним из решающих в самоопределении составлявших ее народов. Ряд исследователей приписывают языку на пространстве Балкан признаки «флага», с помощью которого народы отстаивают свою независимость и суверенитет. Яркими примерами этого были события в Боснии, Хорватии и Сербии. «Мнения бошняков, хорватов, черногорцев и сербов долгое время расходились по базовым вопросам: говорят ли они на одном языке или на разных, какие диалекты должны иметь статус официальных, какие алфавиты и системы письма наиболее подходят для их нужд?»²⁴. События 1990-х гг., когда необходимость определяться с языковыми предпочтениями встала в рамках независимых государств, обозначили главный тренд – отход от лексического состава, стилистики, орфографии и даже грамматики сербского инварианта общего для большинства югославян языка.

Языковой вопрос в Черногории был поднят еще в 1968 г., когда на симпозиуме о черногорской культуре и путях ее развития была поставлена задача воссоздания черногорского языка. Сторонникам удалось добиться того, что Конституция Республики Черногория 1974 г. закрепила черногорскую лингвистическую норму как подвариант общего с сербами и хорватами языка. В 1990-е гг. еще в составе единого с Сербией государства в Черногории нарастали опасения по поводу ущемления особенностей «нео-штокавского екавского диалекта» и настроения в пользу преимущественного использования латиницы. На тот момент сербо-хорватский язык *defacto* уже перестал существовать в результате войн в Боснии и Хорватии, приведших к выделению из него боснийского, хорватского и сербского языков. Обострение языковой проблемы продолжилось с началом политической эпохи М. Джукановича и движения страны к независимости. Для обоснования выделения черногорского языка как особого использовались его отличия, прежде всего, от сербского языка. В 1994 г. черногорская организация ПЕН-Центр (P.E.N. – Poetry, Essays, Novels) провозгласила, что язык, на котором говорят в Черногории, является

24 Greenberg R. Language and identity in the Balkans. Oxford University Press. 2004. P. 9.

черногорским²⁵. В 1990-е гг. активизировались национально-культурные организации, например, Черногорская Матица, целью которой была защита культурной и исторической идентичности Черногории. Они выражали взгляды, оппозиционные как по отношению к терявшей свою актуальность парадигме «сербско-хорватского языка», так и к активно продвигавшейся и выражавшей великосербскую национальную идеологию позиции Сербской Академии наук. По всей вероятности, именно усилиями Матицы вопрос о языке приобрел в Черногории особую остроту, а сам черногорский язык стал официальным и в независимой Черногории был закреплен как нормативный в Конституции страны²⁶. События 1999 г., связанные с военной операцией НАТО против Югославии, ускорили отделение черногорского языка от сербского.

Конструирование отношений «Свой» – «Чужой» в лингвистическом компоненте структуры идентичности было обусловлено политической конъюнктурой, а содержание далеко вышло за рамки утверждения культурной самобытности черногорцев. Во-первых, черногорский язык позиционировался как не тождественный сербскому на фоне средневековой дукалянской культурной традиции и книжности адриатического побережья, включая Дубровник. Во-вторых, его письменными носителями представлялись как кириллическая (и более ранняя глаголическая), так и латинская письменности. В-третьих, черногорский язык представлялся внеконфессиональным языком, объединяющим православных по культурной традиции жителей страны с населением иных религиозных принадлежностей. Еще один структурный элемент черногорской этно-региональной идентичности – религия. Но в случае Черногории речь может идти не столько о религии, сколько об институте церкви. Большинство населения Черногории, как черногорцы, так и сербы, исповедуют православие, но вопрос о церковной организации представляет еще одну дилемму, основанную на противопоставлении общесербскому. Стоит от-

25 Декларация Р.Е.Н. Центра // URL: <http://montenet.com/language/pen-decl.htm> (дата обращения: 11.01.2012).

26 Ustav Crne Gore. 22.oktobra 2007. godine. Član 13.

метить, что до середины XIX в. именно церковные владыки – митрополиты обладали полнотой власти в Черногории. Однако если авторы начала XIX в. отмечали, что «черногорцы прилежны к Богу, вера их проста и искренна, они не пропускают праздника, чтоб не быть в церкви, не принимают никакого дела, не перекрестившись, и хотя не многие знают читать «Отче наш», но слепо исполняют долг христианина»²⁷, то в конце XIX в. Павел Ровинский писал: «Как ни любит черногорец свою церковь, а посещать ее он не любит..., у черногорца религиозность, как бы ни была глубока, или вовсе не выражалась во внешней форме и обрядности, или же выражалась слишком просто и даже грубо»²⁸. В 1903 г. под влиянием опыта России черногорская церковь получила синодальное управление и автокефальный статус, но с образованием Королевства СХС утратила последний, войдя в Сербскую православную церковь.

В 1990-е гг. дебаты о независимом статусе Черногории распространились и на вопрос о черногорской церкви. В 1993 г. оформилась независимая от Сербской православной церкви неканоническая Черногорская церковь, которая стала одним из атрибутов черногорского суверенитета. Как пишет один из современных официальных историографов Республики Черногория Ж. Андрияшевич, церковный вопрос в Черногории обострился в 90-е годы XX в. под воздействием политических факторов, а черногорская церковь «Еще до появления первых школ и СМИ <...> была не только важнейшим вместилищем духа, но и эффективной службой идеологического инжиниринга»²⁹. Церковь играла роль института, обладающего определенной «мягкой силой», способной внести свой вклад в становление черногорского суверенитета.

На таком фоне проявились и утвердились этнические аспекты идентификации. Противопоставление одного этноса другому или общей идее югославянства явилось одной из основных черт балканского кризиса 90-х гг., поскольку

27 Броневский В. Б. Описание Черногории // Сын отечества, Часть 46. № 28. 1818. С. 58–59.

28 Ровинский П. Черногорія въ ея прошломъ и настоящемъ. Томъ II. Часть 1. – Спб. 1897. С. 407.

29 Andrijašević Ž. M. Crnogorska crkva 1852–1918. – Nikšić. 2008. S. 209.

«этническая идентичность наиболее близко ассоциируется с вопросом границ»³⁰.

Наиболее распространенным и «сильным» в мотивационном плане структурным элементом этно-региональной идентичности являются отношения, связанные с историческим дискурсом. Подчеркнем, что именно история является наиболее «действенным» и «убедительным» элементом с точки зрения конструирования идентичности, поскольку позволяет создавать коллективную идентичность, как в положительном (кто мы есть), так и в негативном (кем мы не являемся) пониманиях; проецировать самосознание в сторону «героев» и «врагов»; порождать необходимость для индивида идентифицировать себя с неким масштабным проектом, большим, чем только его личность³¹.

Еще Э. Ренан писал о важности обладания богатым наследием воспоминаний для совместного проживания таких общностей, как этнос и нация³². Признавая приоритетную роль за субъективным фактором, он выступал своеобразным предшественником доминирующего ныне понимания этноса как «воображаемого сообщества». Среди ученых, занимающихся проблемами этно-национализма, существуют разногласия по поводу факторов, запускающих механизм формирования этно-национального сознания, однако все они, как и Ренан, отмечают огромную роль в нем «общего прошлого» – исторических знаний и представлений³³.

Активное использование исторического дискурса для конструирования черногорской этно-региональной идентичности началось в 1990-е гг., когда были написаны новые работы по истории Черногории, в которых авторы давали обоснование необходимости обретения суверенитета, и которые стали использовать

ся с целью укрепления общей государственной идеи, черногорской идентичности, а косвенно – и в целях поддержки курса на сближение с Западом. Среди историков, создававших обновленный вариант черногорской истории, мы уже отмечали Ж. М. Андрияшевича и Ш. Растодера, авторов «Истории Черногории с древнейших времен до 2006 года»³⁴, переведенной на русский язык. Оба автора преподают историю на Философском факультете Университета Черногории в Никшиче. Профессор Шербо Растодер являлся также членом Дуклянской академии наук и искусств – организации, созданной в 1998 году в противовес Черногорской академии наук и искусств, которую члены первой организации считали слишком просербской. В настоящее время Дуклянская академия, выполнив свою роль, вошла в состав Черногорской АН.

Основополагающей идеей авторов новой версии истории Черногории являлось проследование уникальности черногорского пути, начиная с древнейших времен. Как отмечалось выше, делался упор на военные успехи Черногории и в целом на стремление Черногории отстаивать свою независимость в борьбе против иноземных захватчиков, в частности, Османской империи. Центральное место занимало отрицание общей с Сербией судьбы и представление этапов совместного существования как негативной страницы черногорской истории. Черногорские историки, формируя этно-национальный нарратив, выстроили концепцию черногорской «уникальности» от самых истоков черногорской истории. С их точки зрения, еще с древних времен предки черногорцев – дукляне выделились в особую этническую группу подобно сербам и хорватам. По утверждению Ж. Андрияшевича, «бесспорным является тот факт, что им [дуклянам] удалось, в отличие от всех (курсив наш – Н. Д.) других [соседних] племен, выстроить свою историческую структуру, выраженную в создании государства, в установлении династии и в осознании своей политической специфики»³⁵. Подчеркивалось особое положение

30 Nagel J. Constructing ethnicity: creating ethnic identity and culture // Social problems. 1994. Vol. 41, No.1, Feb. P. 152–176.

31 Wilmer F. Identity, culture, and historicity... P. 6.

32 Ренан Э. Что такое нация? // Ренан Э. Собрание сочинений в 12-ти томах. Перевод с французского под редакцией В.Н. Михайловского. Т. 6. Киев, 1902. С. 100. URL: http://www.hrono.ru/statii/2006/renan_naci.php (дата обращения 14.02.2012).

33 Володина Т. А. История и национализм. URL: <http://war.realhistory.forum24.ru/?1-2-40-00000026-000-0-0> (дата обращения: 05.01. 2012).

34 Андрияшевич Ж. М., Растодер Ш. История Черногории с древнейших времен до 2006 года. – М. 2010.

35 Там же. С. 10.

ние, которое занимала Черногория, находясь под властью турок (судебная автономия, особые условия выплаты налогов, привилегия не участвовать в военных походах за границами Черногории). Ж. Андрияшевич пишет, что «льготы, полученные черногорцами в XVI в., сделали их одними из самых привилегированных христианских подданных Османской империи»³⁶.

Какая история XX в., современные черногорские авторы настойчиво утверждают тезис о насильственном присоединении Черногории к Сербии в 1918 г. Так, Ш. Раодер особо выделяет тот факт, что черногорское правительство и король Никола находились в эмиграции, а все решения по объединению Сербии и Черногории принимались Временным Центральным исполнительным советом, сформированным с³⁷ подачи и при поддержке сербского правительства. С созданием же Королевства СХС пришел «конец многовековому черногорскому государству».

Конструирование этно-региональной идентичности при помощи исторического дискурса происходило и посредством системы образования. В этой сфере в Черногории со второй половины 90-х гг. XX в. насаждались изменения, которые отчетливо вписываются в политические усилия по конструированию идентичности. Этому способствовали нововведения в преподавании истории и издание новых учебников по этому предмету, в которых исторические факты излагались с позиций исторического права Черногории на независимость. В качестве конституирующего «Чужого» в историческом образовании выступали Сербия и те этапы истории Черногории, которые были связаны с ней. Такая образовательная политика вызвала среди населения страны полярные реакции, что еще более углубило раскол черногорского общества по признаку идентичности и не могло не сказаться на его отношении к независимой государственности.

В свою очередь, сербские историки, в частности, С. Терзич, отнесли идеологические корни новой черногорской историографии к «наци-фашистским проектам по разрушению

36 Там же. С. 56.

37 Там же. С. 163.

Югославии и сербского этнического единства – по насаждению в Черногории принципиально новой культурной и духовной идентичности посредством идеологической пропаганды, образовательных программ, культурных институтов, искусства, научной работы и множества подобных действий»³⁸.

Стоит заметить, что многие более умеренно настроенные представители черногорской интеллигенции не признают националистических взглядов своих коллег и демонстрируют негативное отношение к их способу толкования истории. Так, в 2007 г. вышла в свет книга Александра Стаматовича «Антисербство в черногорских учебниках истории»³⁹. Автор счел, что целью современной черногорской истории является идеологическая обработка новых поколений граждан страны. Так или иначе, но использование истории, подобно тому, как это делается в современной Черногории, нужно лишь правящей элите для того, чтобы поддерживать раскол в обществе и таким образом обеспечивать достаточную поддержку своего политического курса.

Конструирование этно-региональной идентичности с помощью исторического дискурса, помимо раскола общества и углубления черногорско-сербских противоречий, повлекло и другие негативные последствия. По мнению многих критиков, новые черногорские учебники «оттесняют на второй план фигуры мировой значимости с целью сфокусировать внимание на Черногории», и тем самым формируют провинциализм и ограниченность⁴⁰.

Итак, мы попытались проследить на черногорском примере то, как происходило конструирование этно-региональной идентичности на постъюгославском пространстве.

Рассматривая этно-региональную идентичность в качестве системы, мы выделили в ней

38 Терзић С. Идеолошки корени црногорске нације и црногорског сепаратизма. URL: <http://njos.org/past/idroots.htm> (дата обращения: 27.04.2011).

39 Стамановић А. Антисрпство у уџбеници ма историје у Црној Гори. – Подгорица. 2007.

40 Gregory A. Montenegro: getting its story straight// Transitions online, 3 March. URL: <http://www.cceol.com> (дата обращения: 02.02. 2009).

концепт и структуру. Концептом является идея территориального сходства и различия, реализующая в рамках оппозиции «Свой – Чужой». Это отношение в конкретных ситуациях конструировалось через противопоставление «черногорцев» «сербам». Первые выступали в качестве «Своих», а вторые в качестве «Чужих».

Структура черногорской этно-региональной идентичности поддерживается этим концептом. А оппозиция «Свои – Чужие» реализуется на уровне этнических, лингвистических (языковые), исторических, религиозных и социальных отношений.

На этническом уровне прослеживается явное противопоставление черногорцев сербам. На лингвистическом конструируются новые нормы литературного черногорского языка (отличного от сербского). Исторический дискурс задает паттерны звучаний теперь уже не совсем общему с сербами прошлому, а религиозная составляющая противопоставляет институты церкви обоих этносов.

Безусловно, конструирование этно-региональности как особой формы социальности во многом связано с деятельностью политических элит Черногории. Оно обосновывается стремлением руководства страны включить население этого небольшого балканского региона в «европейскую семью». В этой работе все средства оказываются хороши: от незначительного подчеркивания этнических различий между сербами

и черногорцами до конструирования «образа врага» (опять же в отдельной риторике относительно сербов).

В заключение хотелось бы отметить, что рассмотренные аспекты конструирования этно-региональной черногорской идентичности не учитывают весь спектр этнических отношений в этом регионе⁴¹. Поскольку деление на черногорцев и сербов – только одна черта сложного этнического состава страны. Около 30% населения Черногории принадлежит к этническим меньшинствам (албанцам, мусульманам, бошнякам и пр.). Их роль в конструировании этно-региональной идентичности современной Черногории не столь очевидна, как в сербо-черногорской дихотомии, однако место в формировании современного политического поля Черногории достаточно весомо. Если до проведения референдума 2006 г. национальные меньшинства, прежде всего, мусульмане и албанцы, в основном выступали в поддержку независимости, то в суверенной Черногории подчеркивание этнической (а теперь и национальной) идентичности черногорцев уже идет вразрез с продвигаемой европейскими структурами гражданской идентичностью.

41 См. подробнее Докучаева Н.А. Этнические измерения общества и национальная политика Черногории в начале XXI века // Известия высших учебных заведений. Серия: Гуманитарные науки. 2012. Т. 3. № 3. С.201–204.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Андрияшевич Ж. М., Растодер Ш. История Черногории с древнейших времен до 2006 года. – М. 2010.
2. Бергер П. Лукман Т. Социальное конструирование реальности. – М. 1995.
3. Бонапарт и черногорцы // Пушкин А. С. Песни западных славян. URL: <http://www.magister.msk.ru/library/pushkin/poetry/ru0712.htm> (дата обращения 20.03.2012)
4. Броневский В. Б. Описание Черногории // Сын отечества, Часть 46. № 28. 1818.
5. Володина Т. А. История и национализм. URL: <http://wap.realhistory.forum24.ru/?1-2-40-00000026-000-0-0> (дата обращения: 05.01. 2012).
6. Декларация Р.Е.Н. центра. URL: <http://montenet.com/language/pen-decl.htm> (дата обращения: 11.01.2012).
7. Докучаев Д. С. Региональная идентичность: понятие, структура, функции. // Философия и культура. 2012. № 12.
8. Докучаева Н. А. Этнические измерения общества и национальная политика Черногории в начале XXI века // Известия высших учебных заведений. Серия: Гуманитарные науки. 2012. Т. 3. № 3. С. 104–107.

9. Дмитревская И. В. Мироззрение как система // Сознание и теория мироззрения: История и современность. – Иваново. 1992.
10. Жители области Монтенегро или черногорцы. // Вестник Европы, Часть 20. № 7. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Serbien/XIX/1800-1820/Murgard/text.phtml?id=8959/> (дата обращения: 12.09.2011).
11. Малахов В. С. «Неудобства с идентичностью». URL: <http://www.intellectuals.ru/malakhov/izbran/8ident.htm> (дата обращения: 02.04.2011).
12. Миллер А. Россия: власть и история. URL: http://carnegieendowment.org/files/ProEtContra_3.2009_all_screen.pdf (дата обращения 01.04.2010)
13. Пономарева Е. Г. Новые государства на Балканах. – М. 2010.
14. Пописи у Црної Гори од 1909. до 2003. URL: <http://njegos.org/census/princip.jpg> (дата обращения: 13.04.2011).
15. Ренан Э. Что такое нация? // Ренан Э. Собрание сочинений в 12-ти томах. Перевод с французского под редакцией В. Н. Михайловского. Т.6. Киев, 1902. С. 100. URL: http://www.hrono.ru/statii/2006/renan_naci.php (дата обращения 14.02.2012).
16. Ровинский П. Черногорія въ ея прошломъ и настоящемъ. Томъ II. Часть 1. – Спб. 1897.
17. Рябов О.В. Национальная идентичность: гендерный аспект (на материале русской историософии) // автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук. – Иваново. 2000.
18. Стамановић А. Антисрпство у удбеници ма историје у Црној Гори. – Подгорица. 2007.
19. Терзић С. Идеолошки корени црногорске нације и црногорског сепаратизма. URL: <http://njegos.org/past/idroots.htm> (дата обращения: 27.04.2011).
20. Уемов А. И. Системный подход и общая теория систем. – М. 1978.
21. Черногория и ее жители. // Журнал для чтения воспитанниками военно-учебных заведений, Том. 81, № 323. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Serbien/XIX/1840-1860/Cernog_i_ee_ziteli/text1.phtml?id=9069 (дата обращения: 12.09.2011).
22. Широкогоров С. М. Этнос: Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений. – Шанхай. URL: <http://www.kunstkamera.ru:8081/siberia/Texts/ShirokogorovEthnos/Chapter01.pdf> (дата обращения 15.01.2013)
23. Ямалнеев И. М. Этнорегиональная идентичность как политический проект (на примере Республики Татарстан) // автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата политических наук. – Казань. 2005.
24. Andrijašević Ž. M. Crnogorska crkva 1852-1918. – Nikšić. 2008.
25. Checkel J. T., Katzenstein P. J. European Identity. Cambridge University Press. 2009.
26. Crna Gora u brojkaма. – Podgorica 2010.
27. Greenberg R. Language and identity in the Balkans. Oxford University Press. 2004.
28. Gregory A. Montenegro: getting its story straight // Transitions online, 3 March. URL: <http://www.seeol.com> (дата обращения: 02.02. 2009)
29. Kiossev A. The dark intimacy: maps, identities, acts of identification/Balkan as a metaphor. Between globalization and identity (edited by Bjelić D, Savić O.) Massachusetts Institute of Technology. 2002.
30. Mérimée P. La Guzlaouchoix de poesies illyriques. Recueillies dans de la Dalmatie, la Bosnie, la Croatie et l'Herzegovine. Strasbourg, <http://archive.org/stream/laguzlaouchoixde00mruoft#page/160/mode/2up> (дата обращения: 20.04.2012).
31. Nagel J. Constructing ethnicity: creating ethnic identity and culture // Social problems. 1994. Vol. 41, No.1, Feb.
32. Popis stanovništva, domaćinstava i stanova u Crnoj Gori 2011. godine. Crna Gora. Zavod za statistiku, broj 83. Podgorica, 12.07.2011. godine.
33. Vlahović D. “Dan kada je rođena Crnogorska nacija 1. maj 1945. Mestorođenja Borbaorgan KPJ”. URL: <http://www.srpskapolitika.com/Tekstovi/Komentari/2006/034.html> (дата обращения: 23.04.2012).
34. Ustav Crne Gore. Podgorica, 22.oktobra 2007. godine. Član 13.
35. Wilmer F. Identity, culture, and historicity. The social construction of ethnicity in the Balkans. URL: <http://www.jstor.org/stable/20672505> (дата обращения: 13.04.2012).

36. А.М. Сиюхова. Осмысление социальной и культурной роли мифопоэтического творчества с позиции философов античности: проекция на теорию элит // *Философия и культура*. – 2012. – № 2. – С. 104–107.
37. А. А. Кулагин. Этническая и религиозная идентификация друзской общины // *Исторический журнал: научные исследования*. – 2012. – № 2. – С. 104–107.
38. А. Шажинбатын. Этничность в контексте человеческой природы // *Психология и Психотехника*. – 2012. – № 5. – С. 104–107.
39. В. Ц. Худавердян. Национальные меньшинства и иммигранты в системе социальных отношений: социально-философское измерение // *Философия и культура*. – 2012. – № 7. – С. 104–107.
40. И. А. Куян. «Национальный суверенитет»: проблемы определения понятия и содержания // *Право и политика*. – 2013. – № 2. – С. 104–107. DOI: 10.7256/1811-9018.2013.02.19
41. А. С. оглы Алекперов. Мультикультурализм в пространстве между политикой и культурой // *Философия и культура*. – 2013. – № 3. – С. 104–107. DOI: 10.7256/1999-2793.2013.03.8
42. Шажинбатын А.. Этноантропологическая концепция Ж.-Ж. Руссо // *Философия и культура*. – 2014. – № 1. – С. 104–107. DOI: 10.7256/1999-2793.2014.1.10103
43. Манзарханова Л. В.. Междисциплинарный подход в исследовании традиционной культуры // *Философия и культура*. – 2014. – № 2. – С. 104–107. DOI: 10.7256/1999-2793.2014.2.1076
44. Д.С. Докучаев Региональная идентичность: понятие, структура, функции // *Философия и культура*. – 2012. – 12. – С. 15 – 22.
45. Борисов С.В. Рондо или Наука и природа // *NB: Философские исследования*. – 2013. – 8. – С. 147–247. DOI: 10.7256/2306-0174.2013.8.785. URL: http://www.e-notabene.ru/fr/article_785.html
46. Н. А. Хренов Л. Н. Гумилев и противоречия в культурной идентичности // *Культура и искусство*. – 2012. – 6. – С. 7 – 17.

REFERENCES

1. Andriyashevich Zh.M., Rastoder Sh. *Istoriya Chernogorii s drevneishikh vremen do 2006 goda*. – М. 2010.
2. Berger P. Lukman T. *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti*. – М. 1995.
3. Bonapart i chernogortsy//Pushkin A.S. *Pesni zapadnykh slavyan*. URL: <http://www.magister.msk.ru/library/pushkin/poetry/pu0712.htm> (data obrashcheniya 20.03.2012)
4. Bronevskii V. B. *Opisanie Chernogorii //Syn otechestva, Chast' 46. № 28. 1818.*
5. Volodina T. A. *Istoriya i natsionalizm*. URL: <http://wap.realhistory.forum24.ru/?1-2-40-00000026-000-0-0> (data obrashcheniya: 05.01. 2012).
6. Deklaratsiya P.E.N. tsentra. URL: <http://montenet.com/language/pen-decl.htm> (data obrashcheniya: 11.01.2012).
7. Dokuchaev D. S. *Regional'naya identichnost': ponyatie, struktura, funktsii //Filosofiya i kul'tura. 2012. №12.*
8. Dokuchaeva N. A. *Etnicheskie izmereniya obshchestva i natsional'naya politika Chernogorii v nachale XXI veka // Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Seriya: Gumanitarnye nauki. 2012. T. 3. № 3. S. 104–107.*
9. Dmitrevskaya I. V. *Mirovozzrenie kak sistema // Soznanie i teoriya mirovozzreniya: Istoriya i sovremennost'. – Ivanovo.1992.*
10. Zhiteli oblasti Montenegro ili chernogortsy. // *Vestnik Evropy, Chast' 20. № 7.* URL: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Serbien/XIX/1800-1820/Murgard/text.phtml?id=8959/> (data obrashcheniya: 12.09.2011).
11. Malakhov V. S. «Neudobstva s identichnost'yu». URL:<http://www.intellectuals.ru/malakhov/izbran/8ident.htm> (data obrashcheniya: 02.04.2011)

12. Miller A. Rossiya: vlast' i istoriya. URL: http://carnegieendowment.org/files/ProEtContra_3.2009_all_screen.pdf (data obrashcheniya 01.04.2010)
13. Ponomareva E.G. Novye gosudarstva na Balkanakh. – M. 2010.
14. Popisi u Tsrnoj Gori od 1909. do 2003. URL: <http://njegos.org/census/princip.jpg>(data obrashcheniya: 13.04.2011).
15. Renan E. Chto takoe natsiya? // Renan E. Sobranie sochinenii v 12-ti tomakh. Pervod s frantsuzskogo pod redaktsiei V.N. Mikhailovskogo. T.6. Kiev, 1902. S.100. URL: http://www.hrono.ru/statii/2006/renan_naci.php(data obrashcheniya 14.02.2012).
16. Rovinskii P. Chernogoriya v"eya proshlom" i nastoyashchem". Tom" II. Chast' 1. – Spb. 1897.
17. Ryabov O. V. Natsional'naya identichnost': gendernyi aspekt (na materiale russkoi istoriosofii)// avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni doktora filosofskikh nauk. – Ivanovo.2000.
18. Stamanoviĥ A. Antisrpstvo u uĥbenitsi ma istorije u Tsrnoj Gori. –Podgoritsa. 2007.
19. Terziĥ S. Ideoloshki koreni tsrnogorske natsije i tsrnogorskogo separatizma. URL: <http://njegos.org/past/idroots.htm> (data obrashcheniya: 27.04.2011).
20. Uemov A. I. Sistemnyi podkhod i obshchaya teoriya sistem. – M. 1978.
21. Chernogoriya i ee zhiteli. // Zhurnal dlya chteniya vospitannikami voenno-uchebnykh zavedenii, Tom. 81, № 323. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Serbien/XIX/1840-1860/Cernog_i_ee_ziteli/text1.phtml?id=9069 (data obrashcheniya: 12.09.2011).
22. Shirokogorov S. M. Etnos: Issledovanie osnovnykh printsipov izmeneniya etnicheskikh i etnograficheskikh yavlenii. – Shankhai. URL: <http://www.kunstkamera.ru:8081/siberia/Texts/ShirokogorovEthnos/Chapter01.pdf> (data obrashcheniya 15.01.2013).
23. Yamalneev I.M. Etnoregional'naya identichnost' kak politicheskii proekt (na primere Respubliki Tatarstan)//avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata politicheskikh nauk. – Kazan'. 2005.
24. Andrijašević Ž. M. Crnogorska crkva 1852–1918. –Nikšić. 2008.
25. Checkel J. T., Katzenstein P.J. European Identity. Cambridge University Press. 2009.
26. Crna Gora u brojkama. – Podgorica 2010.
27. Greenberg R. Language and identity in the Balkans. Oxford University Press. 2004.
28. Gregory A. Montenegro: getting its story straight//Transitions online, 3 March.URL: <http://www.cceol.com> (data obrashcheniya: 02.02. 2009)
29. Kiossev A. The dark intimacy: maps, identities, acts of identification/Balkan as a metaphor. Between globalization and identity (edited by Bjelić D, Savić O.) Massachusetts Institute of Technology. 2002.
30. Mérimée P. La Guzlaouchoix de poesies illyriques. Recueillies dans de la Dalmatie, la Bosnie, la Croatie et l'Herzegowine. Strasbourg, <http://archive.org/stream/laguzlaouchoixde00mruoft#page/160/mode/2up> (data obrashcheniya: 20.04.2012).
31. Nagel J. Constructing ethnicity: creating ethnic identity and culture//Social problems. 1994. Vol. 41, No.1, Feb.
32. Popis stanovništva, domaćinstava i stanova u Crnoj Gori 2011. godine. Crna Gora. Zavod za statistiku, broj 83. Podgorica, 12.07.2011. godine.
33. Vlahović D. "Dan kada je rođena Crnogorska nacija 1. maj 1945. Mestorođenja Borbaorgan KPJ". URL: <http://www.srpskapolitika.com/Tekstovi/Komentari/2006/034.html> (data obrashcheniya: 23.04.2012).
34. Ustav Crne Gore. Podgorica, 22.oktobra 2007. godine. Član 13.
35. Wilmer F. Identity, culture, and historicity. The social construction of ethnicity in the Balkans. URL: <http://www.jstor.org/stable/20672505> (data obrashcheniya: 13.04.2012)

36. A.M. Siyukhova. Osmyslenie sotsial'noi i kul'turnoi roli mifopoeticheskogo tvorchestva s pozitsii filosofov antichnosti: proektsiya na teoriyu elit // *Filosofiya i kul'tura*. – 2012. – № 2. – S. 104–107.
37. A. A. Kulagin. Etnicheskaya i religioznaya identifikatsiya družskoi obshchiny // *Istoricheskii zhurnal: nauchnye issledovaniya*. – 2012. – № 2. – S. 104–107.
38. A. Shazhinbatyn. Etnichnost' v kontekste chelovecheskoi prirody // *Psikhologiya i Psikhotekhnika*. – 2012. – № 5. – S. 104–107.
39. V.Ts. Khudaverdyan. Natsional'nye men'shinstva i immigranty v sisteme sotsial'nykh otnoshenii: sotsial'no-filosofskoe izmerenie // *Filosofiya i kul'tura*. – 2012. – № 7. – S. 104–107.
40. I.A. Kuyan. «Natsional'nyi suverenitet»: problemy opredeleniya ponyatiya i sodержaniya // *Pravo i politika*. – 2013. – № 2. – S. 104-107. DOI: 10.7256/1811-9018.2013.02.19.
41. A.S. ogly Alekperov. Mul'tikul'turalizm v prostranstve mezhdru politikoi i kul'turoi // *Filosofiya i kul'tura*. – 2013. – № 3. – S. 104-107. DOI: 10.7256/1999-2793.2013.03.8
42. Shazhinbatyn A.. Etnoantropologicheskaya kontseptsiya Zh.-Zh. Russo // *Filosofiya i kul'tura*. – 2014. – № 1. – S. 104-107. DOI: 10.7256/1999-2793.2014.1.10103
43. Manzarkhanova L.V.. Mezhdistsiplinarnyi podkhod v issledovanii traditsionnoi kul'tury // *Filosofiya i kul'tura*. – 2014. – № 2. – S. 104-107. DOI: 10.7256/1999-2793.2014.2.1076
44. D.S. Dokuchaev Regional'naya identichnost': ponyatie, struktura, funktsii // *Filosofiya i kul'tura*. – 2012. – 12. – С. 15 – 22.
45. Borisov S.V. Rondo ili Nauka i priroda // *NB: Filosofskie issledovaniya*. – 2013. – 8. – С. 147 – 247. DOI: 10.7256/2306-0174.2013.8.785. URL: http://www.e-notabene.ru/fr/article_785.html
46. N. A. Khrenov L. N. Gumilev i protivorechiya v kul'turnoi identichnosti // *Kul'tura i iskusstvo*. – 2012. – 6. – С. 7 – 17.